

СОХРАНЕНИЕ КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА В ПЕРЕВОДАХ**М.В. Оборина**

Тверской государственной университет, Тверь

В статье анализируется ситуация перевода текстов с точки зрения механизмов сохранения их когерентности. Любой перевод основывается на кооперативном принципе взаимодействия трёх заинтересованных сторон: автора, переводчика и читателя. Когерентность переведённого текста опирается на параметры и механизмы когезии текста, подчиняющиеся нормам принимающей лингвокультуры.

Ключевые слова: перевод, кооперативные принципы, максимы, экспликативность, имплицативность, когерентность, когезия, интерпретация, понимание, нормы культуры.

В соответствии с понятием кооперации в коммуникации Грайса [3], вклад каждого участника в разговор/действие должен быть таким, какой требуется в ситуации разговора (контексте), и с той целью или направлением обмена репликами, в который этот участник вовлечён. Поскольку любой диалог, а ситуация восприятия текстов является принципиально диалогической (о чём, например, писал М.М. Бахтин [1]), это не просто обмен репликами, а некоторое совместное действие (будь то достижение соглашения о решении, понимании, оценке и т.п.), принцип кооперации участников диалога в полной мере применим к ситуации «автор-текст-переводчик». Участники разговора/деятельности знают об интересах друг друга и предполагают, что их интересы совпадают. Вместе с тем, в ситуации перевода переводчик редко довольствуется ролью «второстепенного подражания», как требовалось бы от него в соответствии с принципом кооперации в рамках теории эквивалентности.

Четыре следствия из принципа кооперации Грайса – максимы – формулируют правила успешной коммуникации: качества («не говори того, что считаешь ложным или в чём сомневаешься»); количества («говори настолько информативно, насколько требуется и не говори слишком информативно»); релевантности («говори к месту»); ясности («будь последователен: избегай неясности, двусмысленности, многословия и несистематичности»). Очевидно, что данные принципы в полной мере соответствуют принципам оптимизации речевого воздействия и достаточности речевой формы (см.: [2; 4; 5]). Согласно принципам оптимизации речевой формы, максимы в ситуации перевода можно представить следующим образом:

- максима качества – предпереводческая интерпретация текста предполагает создание герменевтических ситуаций, обеспечивающих все три типа понимания [2];

- максима количества – поддержание баланса импликационности / экспликационности в тексте перевода (например, при нарушении норм сегментации меняется тип текста с позиции его организации, в частности, в отношении его объяснённости);

- максима релевантности – контекстуализация перевода, приведение его в соответствие с той системой лингвокультурных связей, в которую он оказывается включённым. В случае с переводными текстами речь идёт не об адекватности или принятии текста, а о его приемлемости для принимающей культуры, т.е. мы можем говорить о переводном тексте в вероятностном залоге, поскольку речь идёт о совокупности факторов, одним из которых является выбор переводческой стратегии в данном культурном контексте;

- максима ясности – поддержание баланса избыточности / энтропийности на уровне релевантной коммуникации (например, в текстах для детского чтения эстетически значимый параметр лексического разнообразия может быть пересмотрен в сторону упрощения и синонимических повторов).

Понимание высказываний не ограничивается простым знанием значений слов и синтаксических правил их комбинирования. Оно требует, помимо прочего, выведения заключений из невербализованной информации и предположения, что говорящий сознательно следовал определённым принятым стандартам коммуникации. Импликативно-эксplikативный баланс текста также согласуется с правилами коммуникации. В ситуации перевода текстов действующими лицами коммуникативного взаимодействия являются автор, переводчик и читатель.

Традиционно, коммуникация считается успешной при условии принятия читателем именно той информации, которую стремился передать автор. Однако, в случае с переводными текстами (да и не только, слишком уж много факторов нарушают максимы Грайса), качество текстов, каналы коммуникации и иные внешние факторы могут приводить к тому, что сообщение поступает к читателю в искажённом виде (в частности, меняется адресат сообщения меняются параметры контекста сообщения и т.п.). Переводчик в качестве первого читателя получает сообщение автора и должен передать это сообщение совершенно иной аудитории, отличной от той, для которой текст был предназначен.

Кооперацию между участниками диалога можно самым простым образом обозначить как наличие общего знания (*shared knowledge*), являющегося необходимым условием осмысленности, или когерентности, текста. Когерентность (цельность) создаётся скрытым потенциально значимым отношением между частями текста, которое становится явным для читателя или слушателя в процессе интерпретации. Для усмотрения этого отношения читатель должен соотносить текст со знакомыми ему реальными или вымышленными мирами [7]. В то же время, форма текста реализует такое свойство, как связность (когезия) – открытое, явное отношение между частями текста, выраженное в языке с помощью специальных маркеров. Очевидно, когезия опосредованно связана с когерентностью, а изменения в когезивной структуре неизбежно должны приводить к сдвигам в системе когерентности, и значит – к иным смыслам.

Усмотрение когерентности (равнозначное усмотрению смыслов на разных текстовых уровнях) является основным принципом интерпретации. Нахождение того контекста, в котором нечто имеет смысл, является отправной точкой понимания текста. Текстом бессмысленным или неосмысленным можно

назвать текст, в отношении которого читатель не может обнаружить связанности смыслов; обычно это случается из-за серьёзных расхождений между конфигурацией концептов и отношений, в нём выражаемых, и имеющимся у реципиента знанием о мире. Сдвиги в когерентности текста указывают на реализуемую переводчиком стратегию, нормы и функцию текста перевода (как ту, на которую ориентирован переводчик, так и ту, которую перевод может выполнять в данном лингвокультурном контексте вне зависимости от его намерений).

Когерентность, таким образом, реализует смысловой потенциал текста. Сдвиги в системе когерентности могут относиться к двум типам: нарушения когерентности самого текста или нарушения когерентности в читательском восприятии. Авторы всегда пишут тексты, ориентированные на определённые группы читателей (внутренний адресат составляет одну из категорий текста, непосредственно влияющую на его жанр). Следовательно, сообщения таких текстов могут быть намеренно двусмысленными или усложнёнными вертикальным контекстом, обращённых к имплицированным смыслам и рассчитанных на производство определённых воздействий. Может показаться, что тем самым авторы нарушают кооперативные принципы Грайса, требующие адекватной кооперации и реализации максим качества, количества, релевантности и ясности. Однако максимы могут иметь разные внешние реализации в разных лингвокультурах, при этом феномен имплицативности, т.е. невербального выражения смыслов, остаётся универсальным во всех культурах. Это означает, что во всех лингвокультурах присутствует возможность (в той или иной степени облигаторная) имплицирования смыслов. И, следовательно, нарушение обязательных имплицатур приведёт к серьёзным нарушениям когерентности текста (если то, что принято «обходить» и «подразумевать» оказывается эксплицированным и явно объяснённым).

В каждом языке есть свои принципы и модели когерентности, которые позволяют опредмечивать смыслы и переживания, не имеющие вербального выражения в тексте. Чаще всего в языках оригинала и перевода эти модели не совпадают, выражаясь в использовании различных средств когезии на разных уровнях языка. Задача переводчика осложняется тем, что ему приходится усматривать как вербализованные, так и невербализованные смыслы – имплицированные устойчивыми языковыми оборотами, стилистическими приёмами, риторическими вопросами, повторами, синтаксическими структурами, графическими средствами и т.п. Для каждого языка можно составить открытый список таких средств (по крайней мере, в виде таксономии средств в рамках реализации универсальных тенденций текстопостроения). Переводчик пользуется различными приёмами, позволяющими ему перефразировать, добавлять, опускать, комментировать, раскрывать или пересказывать с тем, чтобы сообщение автора исходного текста было передано. На когерентность текста перевода влияют сдвиги в использовании разных средств когезии:

1) на уровне эксплицитности, т.е. общий уровень текстовой эксплицитности повышается или понижается;

2) на уровне текстовых значений, т.е. эксплицитный и имплицитный потенциал значения исходного текста меняется в переводах.

Рассмотрим сдвиги в когезии, связанные с общим уровнем эксплицитности. Открытые отношения связности между элементами текста укоренены в грамматической системе языка. При переводе грамматические различия между языками приведут к замене средств когезии в тексте перевода. Эти сдвиги приводят к изменению общего уровня эксплицитности текста перевода в сравнении с оригиналом (например, необходимость выражать значение артиклей, местоимений), что может ощущаться или не ощущаться читателями перевода как отклонение от нормы. На более высоких текстовых уровнях сдвиги в степени эксплицирования могут быть приписаны использованию иного стиля речи в тексте перевода: разные стилистические предпочтения при выборе средств связности (типы маркеров когезии). Например, лексический повтор или прономинализация (предпочтения переводчика определяются и выбором стилистических норм). Различные требования к связности текста в разных языках управляют выбором средств когезии. Отчасти ограничения могут накладываться и самим процессом перевода. Часто текст перевода оказывается более избыточным в сравнении с текстом оригинала, что связывается, в частности, с повышением уровня когерентной эксплицитности. Если рассматривать это как общую гипотезу, то можно отвлечься от конкретных различий в языковых системах и говорить о тенденции повышения экспликативности при переводе как универсалии.

Средства и черты когезии в разных языках неодинаковы, так как язык может требовать от его носителя большей эксплицитности и степени точности (например, наличие более дробной категоризации в китайском языке послужило поводом известной цитаты Борхеса из китайского трактата: «все животные делятся на: принадлежащих императору, набальзамированных, молочных поросят, сказочных, нарисованных кистью на шёлке, разбивших цветочную вазу, издали похожих на мух ...» и так далее).

Сходная тенденция улавливается в наблюдениях над изучающими иностранный язык. Так, немцы, изучающие английский язык, склонны использовать лексическую когезию (лексический повтор), отдавая ей предпочтение среди пяти средств когезии (субституция, эллипсис, референция, лексическая когезия и союзы), наряду с использованием союзов. Средства референции (прономинализация), напротив, не находят применения, в то время как носители языка чаще прибегают именно к референциальному соединению элементов текста.

Когезия не только способствует образованию связей элементов текста и его семантическому единству. Выбор типов маркеров когезии влияет на восприятие структуры текста как плотной или свободной, а также на стиль и смыслы текста.

Поскольку когезия – это открытое, объективно усматриваемое текстовое отношение, оно поддаётся анализу количественными методами. Можно рассмотреть роль повышения эксплицитности в переводных текстах в целом, и в

сравнении пар языков и т.п. Все подобные исследования сегодня выполняются на базе параллельных корпусов текстов (см.: [6; 7; 9]).

В свою очередь, когерентность не поддается квантитативному анализу. Ее можно обсуждать либо с помощью фигуры идеального читателя, либо эмпирически, изучая, как тот или иной текст запомнился и был проинтерпретирован читателями. Таким образом, можно сказать, что когерентность – это податливость текста интерпретации (*interpretability*).

Тексты могут быть когерентны в отношении предмета обсуждения, жанровых требований или в отношении любого мира, предполагаемого или порождаемого текстом. Для читателя текст становится осмысленным дискурсом (когерентным), если он в состоянии применить релевантные схемы действия (основанные на знании мира, знании предмета, знакомстве с жанровыми канонами) и сделать соответствующие выводы, необходимые для понимания буквы и духа текста. В терминах Филлмора это приводит к визуализации текста (*envisionment*) в сознании читателя. Такие визуализации различаются как у отдельных читателей, так и у разных аудиторий. Можно предположить, что это утверждение часто приводит к признанию дефицитности иноязычного читателя, а отсюда недалеко и до утверждений о непереводаемости. Выход из ситуации следует искать в правилах кооперации, которые регулируют диалог автора и читателя. По словам переводчика Чехова Бристоу, «Even within the skin of his own language, every person translates what he sees or reads, from his own experience» [7: 24]. При оценивании конечного продукта перевода сдвиги в когерентности, связанные с неизбежной сменой адресата текста, должны быть отделены от тех, что проистекают из самого процесса перевода. Исследования в этой области способны очертить истинные границы переводимости.

Переводимые тексты всегда являются новыми для принимающей аудитории (это верно и для повторных переводов классических текстов), а значит, такого рода сдвиги когерентности, вызванные сменой читательской аудитории, неизбежны и оправданы. Самые яркие примеры этого рода можно найти в сфере использования референции (так называемый вертикальный контекст, реалии): реальный или художественный мир, имена и названия, прецедентные тексты и т.п. играют важную роль в установлении когерентности текста. Иногда сами писатели осознают, что создаваемая ими референциальная структура не может быть разделена читателями, и стремятся пояснить её в подстрочных примечаниях (отметим, что, очевидно, комментарии также могут рассматриваться в отдельных случаях как нарративный приём, основанный на намеренном усилении средств когезии, их актуализации). В случае перевода чужого текста, переводчик должен принять решение о необходимости дополнительных пояснений для читателей принимающей культуры. Степень понимания авторской системы референции неодинакова даже в исходной культуре, зависит от подготовленности, опыта и т.п. Проблема переводчика заключается в том, чтобы установить те главные референтные связки, которые определяют понимание произведения (релевантные импликации).

Рассказ Хэмингуэя «Убийцы» (*The Killers*, 1938), приводимый в качестве примера в работе Ш. Блум-Кулки [6: 306–309], иллюстрирует использование маркеров когезии и когерентности при переводе текста. Когерентность текста завязана на знание внешне тривиальной системы референций (имплицитной). Смысл «свой–чужой» реализован с помощью двух систем референций – пришельцы не имеют имен, а хозяин и его посетители обращаются друг к другу по имени. Это сразу определяет двоих мужчин как чужаков и устанавливает точку зрения повествования как точку зрения посетителей в кафе (*Two men came in*). Приём референциальной когезии рассказа очень прост и может быть передан в переводе. Вместе с тем некоторые импликации текста основаны на знании вида помещения и стандартов поведения в американских закусочных. Опасность и нарастание напряжения читается в самом диалоге, внешне обсуждающего заказ. Для понимания межличностного взаимодействия и косвенных речевых актов необходимо уметь делать выводы из беседы, которая внешне строится на обсуждении блюд, но скрытно является установлением доминирования силы. Пришельцы демонстрируют агрессию, а хозяин – мирное и даже успокаивающее поведение. В диалоге видны вызовы и попытки к взаимодействию в поведении хозяина. Это прочтение также зависит от знания реалий культуры. В терминах Грайса, оба пришельца нарушают нормы коммуникативного поведения: максимы релевантности, стиля, качества и количества. Например, они намеренно отказываются от использования стандартных формулировок заказа, вместо этого зачитывают полное название блюд в меню. Знание норм поведения в определённых местах позволяет увидеть агрессию в отказе следовать принятым нормам. Поскольку знание реалий (типа заведения, стиля описания блюд в самых простых закусочных) является необходимым условием когерентности текста для читателя, то и когезия должна быть переведена из имплицитного в эксплицитный план, либо компенсированы иными средствами, выражающими смысл «агрессия», «противостояние “свой–чужой”».

Если в случае с изменением адресата переводчик превентивно меняет текст для предотвращения возможности непонимания, то текстуально-связанные сдвиги когерентности проистекают из неверной диагностики переводчика и принятии решения о необходимости изменения интегративной структуры текста. Выбор, нарушающий когерентность, указывает на недостаточное осознание переводчиком смыслового потенциала исходного текста. Отчасти такого рода сдвиги связаны с известными различиями языковых систем. Однако чаще речь идёт о неудачной реализации переводчиком функционального потенциала принимающего языка или его отдельных форм при передаче не-прямых или невербальных смыслов текста.

Неоднократно было замечено, что в разговорной речи репликам свойственна остаточная двусмысленность (*residual ambiguity*) из-за которой то, что сказано, кажется неясным, а то, что подразумевается, обычно ясно и очевидно (в терминах Ю.М. Скребнева – коллоквиальная импликационность). Смещение этой нормы приводит к нарушению интенций текста. При сравнении перевода с разговорным дискурсом выясняется, что в отличие от последнего, перевод это

процесс, в котором то, что сказано, может стать ясным, а то, что имеется в виду, – непонятным и смутным.

Возможность усмотрения имплицированных смыслов во многом зависит от соблюдения принципа кооперации (другие авторы называли его «гипотезой достаточной экспликации») и вытекающих из него максим, контекста, фоновых знаний и разделения всех этих факторов автором и читателем. Различают три уровня импликаций, которые способствуют пониманию сообщений и успешности коммуникации:

- интертекстуальный уровень (текстовые средства);
- иллокутивный уровень (ситуация общения);
- уровень взаимодействия (суждения и оценка реципиента).

На внутритекстовом уровне лакуны в пространстве текста необходимо заполнить для восстановления художественного мира, представленного в тексте. На уровне иллокуции рассматриваются формы и ситуации контекста высказывания, чтобы усмотреть возможность буквального или же фигуративного или иронического толкования. На уровне взаимодействия выводятся суждения о соблюдении автором максим кооперативного поведения (его вежливости, оценочности, разумности, этичности и пр.).

Феномен повышения степени связности с помощью эксплицирования в переводе описывался как превалирование тенденции к объяснению вместо имплицирования информации. Закономерность была продемонстрирована Моной Бейкер в 2000 г. на примере английского корпуса текстов переводов [6]. Исследование, в частности, показывает тенденцию к использованию союза *that* после слов *say, tell, hold* и т.п., где этот союз мог бы быть опущен. Использование элементов, традиционно опускаемых и субъективно переживаемых как избыточные, указывает на стремление к расширению референциальной базы текста. Отмечалось, что тексты художественные характеризуются значительно более высокой плотностью референциальных цепочек, чем тексты информативные. Требования повествовательности и стилистические нормы литературной действительности приводят к тому, что тексты художественных произведений оказываются более «плотно связанными» (ср. «из песни слова не выкинешь»), чем тексты иных видов. Когезия, как один из стандартов текстуальности, подвергалась количественным измерениям, в том числе и в контексте перевода, в отличие от менее изученных стандартов, таких как, например, ситуативность. Исследования в этой области представляются весьма перспективными, так как в конечном итоге позволяют выделить тот самый «человеческий фактор», который остается за скобками машинного перевода.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Прогресс, 1986. С. 428–472.
2. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: Калинин. гос.ун-т, 1986. 84 с.
3. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16.: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238

4. Кукушкина С.К. Оптимизация речевой формы устного объяснения учителя: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 213 с.
5. Скробнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратов. ун-т, 1985. 210 с.
6. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of a literary translator // "Target", 2000. Vol. 12: 2, Pp. 241–266.
7. Blum-Kulka Sh. Shifts of cohesion and coherence in translation // The Translation Studies Reader. Second edition / ed. by Lawrence Venuti. N.Y.; L.: Routledge, 2004. Pp. 297–313.
8. Toury G. Descriptive translation studies and beyond. John Benjamins Publishing, 1995. 311 p.
9. Wallart I. The Elephant in the Dark: Corpus-Based Descriptions of Translators' Style [Electronic resource] // Les Cahiers du GEPE, N°2/ 2010. Outils de traduction - outils du traducteur ? (2010). URL: <http://www.cahiersdugepe.fr/index.php?id=1641> (accessed at: 05.12.2015).

AVOIDING SHIFTS IN COHERENCE IN TRANSLATIONS

Marina V. Oborina

Tver State University, Tver

The paper analyzes translations focusing on shifts in coherence and mechanisms of its preservation and transfer to the receiving culture. Any translation is based on the cooperation of author, translator and reader. Text coherence depends to a great degree on the means and standards of cohesion conditioned by the norms of the receiving culture.

Keywords: *translation, cooperative principles, maxims, explicitness, implicitness, coherence, cohesion, interpretation, understanding, cultural norms.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru